

Сцена из "Трёх сестёр".

М. Гурерман

О. Кузнецова

С.В. Авиловым

...осто интеллигентных людей. И те – из управления культуры – слушали их выступления и понимали, что теперь просто так раздавить нас невозможно. Но это продолжалось недолго – всего три года. Правда, за эти три года мы сделали спектаклей десять, наверное. К 45-летию войны поставили "Русских людей" Симонова – уж чего патристичнее! – и озвучили спектакль песнями Высоцкого, а это было нельзя. Высоцкого нельзя! Мы тогда позвали на приёмку Нину Максимовну Высоцкую. И она первой встала и поклонилась: "Спасибо вам за Володю..." И после этого они заткнулись.

– Ну что ж, спасибо начальству за то, что театром вас назвали.

– Это не они, а перестройка. У меня хранится книжка, где написано про нас: первый в России хозрасчётный театр. Но мы выхлопотали себе чудовищные условия: все деньги, которые зарабатывали, и плюс ещё 20% – отдавать в фонд культуры и развития района. Два года так продолжалось. А в 88-м мы стали муниципальным театром, и нам назначили субсидии.

– То есть десять лет вы фактически работали бесплатно?

– Удивительное было время. Я считаю, что все наши артисты, особенно основоположники – Авилов, Сергей Белякович, Ванин, Галкина, Бадакова, Гришечкин, Копалов, – святые люди. Кто, в каком театре столько лет работал бы бесплатно? Вот это чистое искусство!

– Вы, как филолог по первому образованию, очень бережно относитесь к

тексту, во всяком случае – к классике. И, может быть, поэтому первыми обратили внимание на театр литературные критики: Аннинский, Золотуский, Аникст, Роднянская. А вот театральные никак не принимали – у них как будто запрет какой-то был...

– И до сих пор остаётся. Есть, конечно, круг театральных критиков, которые о нас пишут, но есть и такое высокомерное отношение: "А, этот подвальчик, ну пусть их там кочевряжатся". Они к нам не ходят. А с другой стороны – почему они должны ходить, если им неинтересно?

– Мне кажется, здесь имеет место некий миф: к театру приклеено слово "самодельность". А плохо ли это – самодельность? Шекспировские актёры тоже ведь "академиев не кончали".

– Если слово означает: сам сделал – хорошо. Я работал во МХАТе, ставил оперу у Колобова, делал спектакли в Пензе, Нижнем Новгороде, в Японии, в Америке...

– Нет, речь не о вас – об актёрах. Они здесь у вас в театре становятся профессионалами?

– Они работают. Вот 10 лет назад пришёл к нам Олег Леушин – никакой. И за эти годы так вырос, что покорила Японию своим Хлестаковым. Карина Дымонт – просто звезда. Да, она закончила училище. Но когда они приходят после училища, они – ничто. Они всё приобретают здесь. Если я, профессионал, с ними работаю, значит, и они становятся профессионалами.

– Я не хочу обидеть никого из артистов, но, согласитесь, звезда у вас всё-таки – Виктор Авилов. Сейчас он совсем мало занят в спектаклях...

– Здесь всё довольно сложно. Блэйк сказал: "Тот не станет звездой, чьё лицо не светится". На самом деле, если бы не я, Авилов никогда не пошёл бы в актёры. Сто раз он собирался уходить. И лишь моя воля не позволила ему это сделать. И воля зрителей. Бог дал ему необыкновенное лицо. И дику работоспособность. Он мог бы стать звездой мирового уровня. Когда в Эдинбурге мы сыграли "Гамлета", на следующий день во всех газетах были его фотографии. Когда потом мы в Англии играли "Мольера", одна художница рисовала его весь спектакль. У меня альбом этот сохранился. Но – извечная беда русского человека – пренебрежение к собственному дару. Пришла слава, и каждый вечер после спектакля его ждут, везут куда-то, все хотят с ним выпить... И он, я так считаю, в чём-то проиграл свою судьбу. Хотя, вполне возможно, придёт и второе дыхание.

– Ну, тут, наверное, многое зависит и от театра. По-настоящему он ведь именно в этом театре себя реализовал. Неужели нельзя сделать сейчас на него спектакль?

– Почему нельзя? Он продолжает играть. Я думаю, что к юбилею мы сделаем с ним новый спектакль. Может быть, "Короля Лира"... Тут нужен опытный артист.

– И последний вопрос. Когда театру исполнилось пять лет, вы мне сказали: "Театр живёт пять лет. Больше ему не жить". С тех пор я всё думаю: что вы имели в виду?

– Просто я цитировал Немировича-Данченко. Художественный театр разваливаться начал на третий год. И Немирович определил этот срок: если не развалится за пять лет, то там, глядишь, и дальше жить будет. А мы долгожители. После 25 лет стажа уже пенсия полагается по закону. Поэтому сейчас я особенно остро чувствую, что каждый спектакль должен быть чем-то очень важным. Я вдруг понял, что у меня всё есть и мне лично ничего не надо. Я никогда не буду заново иметь детей – это пройденный этап. Мне не нужна дача – это тоже пройдено. Машины у меня были, кожаное пальто было... И мне сейчас нужно только одно – спокойно в чём-то разобраться и делать что-то такое – ну, сокровенное, что ли. Уже не надо суетиться. Насуетился. Надо перейти в другое качество. Сейчас у меня конкретный рубеж, как бы некий водораздел между суетой и служением. Нет, не так – служение всегда было, но сопряжённое с суетой, со "старыми грехами" нашими. Мы, я думаю, заслужили новый театр. И в буквальном смысле тоже – я имею в виду большую сцену. Сейчас у меня ощущение, что я работаю в корробке, она становится моим гробом. Мне нужна сцена – громадная, высокая. Простор мне нужен, космос... Я же – космонавт. И я имею право требовать.